

ИНДУСТРИАЛИЗМ КАК ТЕХНОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДЕТЕРМИНИЗМ В
КОНЦЕПЦИИ МОДЕРНИЗАЦИИ: КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

**Статья опубликована в журнале
Вопросы философии, 2012, № 3, с. 59–71**

Постановка проблемы

При наиболее общем взгляде на концепцию модернизации (условно – совокупность теорий исторической трансформации, возникших в XIX – XX вв. в качестве рефлексий социального процесса, приведшего к возникновению современного общества), можно выделить направление «экономического детерминизма», представители которого относят ключевые факторы данного процесса к сфере экономической деятельности общества. Экономика выступает в качестве образующего элемента общественной системы, причины общественной трансформации находятся внутри нее. Начало данному направлению было положено в первой половине XIX века, когда в условиях происходящего в Европе промышленного переворота было замечено, что изменения в экономической организации общества сопровождаются крупными политическими, социальными и иными переменами [Джонс 1937]. Таким образом оформилось главное положение экономического детерминизма, гласящее, что основой всякого общества является способ производства и распределения общественного богатства.

Однако трактовать понятие «способ производства» можно широко, поскольку экономическая сфера представлена сложным комплексом общественных отношений. Способ производства может быть:

– технолого-экономическим, когда в основу развития положена эволюция средств труда, обуславливающая последовательную смену типов экономической деятельности общества;

– социально-экономическим, когда за основу развития принимаются изменения форм социальных отношений, возникших на основе экономической деятельности людей.

В связи с этим разделение экономического детерминизма на два направления вполне закономерно. Данные направления могут быть обозначены как технолого-экономический детерминизм и социально-экономический детерминизм.

Направление технолого-экономического детерминизма представлено теориями индустриального/постиндустриального общества [Арон 1968; Белл 1999; Гидденс 1999; Гэлбрейт 2004; Дракер 1999; Сакайя 1999; Стюарт 1999; Турен 1998]. Их общие положения о трансформации аграрного общества в индустриальное, а затем в постиндустриальное, по существу, и составляют основу теории модернизации в данной методологии. Начиная с первой половины XIX века, когда Сен-Симон впервые ввел в научный оборот понятие «индустриальное общество» [Сен-Симон 1923], эта теоретическая линия непрерывно развивалась, сохраняя в качестве своей основы следующее положение: модернизация – это прежде всего индустриализация, все другие общественные изменения являются сопутствующими.

***Эмпирические доводы: провал социалистического эксперимента
как историческое опровержение идеи индустриализма***

Теория модернизации в технолого-экономическом варианте вписывается в общую идею эволюционизма, и модернизация представляет собой закономерный этап исторического развития. Это формирование такого общественного типа, основу

которого составляет индустриальная экономика как наиболее развитая из всех существовавших в истории человечества экономических форм. Она завершает собой последовательную смену этих форм в рамках производящего хозяйства. Ее основная характеристика – технолого-экономическая – машинное производство. Сопутствующие характеристики – социально-экономические, политико-правовые и культурные – формирование соответствующих общественных классов, урбанизация, рынок, частная собственность на средства производства, конституция и парламентаризм, гражданское общество и правовое государство, свобода личности, индивидуализм и эгоцентризм, массовое образование и научное мировоззрение.

Индустриализация рассматривается как процесс развития машинного производства и относится в Европе в целом к XIX веку: в последней трети XVIII века завершается промышленный переворот в Англии, во второй половине XIX – в наиболее передовых странах континентальной Европы. Индустриализация стран Востока (за исключением Японии) задерживается в силу их общей исторической отсталости, а в начале XX века приводит к тяжелейшим социально-политическим конфликтам и повороту этих стран (Россия и Китай) в сторону «несвободной модернизации», или «индустриализации без модернизации», т.е. достижения одних лишь экономических целей модернизации без ее социально-экономических, политико-правовых и культурных составляющих. Такой вариант общественного развития некоторые исследователи в рамках данного направления посчитали вполне возможным и перспективным, что оформилось в теории конвергенции [Белл 1999; Гэлбрейт 2004; Парсонс 1997; Ростоу 1960]. Ее предпосылкой стала идея «единого индустриального общества», выдвинутая Р. Ароном. Хотя сам Арон не был сторонником теории, ряд его высказываний указывает на ее очевидную взаимосвязь с идеей единого индустриального общества и методологией индустриализма. Он писал, в частности, что «накопление капитала и индустриализация осуществляются и вне капитализма» [Арон 1993, 288], что «ключ к современной экономической истории – в техническом прогрессе..., а он может иметь место и при капиталистическом, и при социалистическом режиме; это два различных примера одного и того же вида преобразования» [Дарендорф 2002, 137]. Окончательно теория конвергенции оформилась в 50 – 60-х годах, но вскоре после распада мировой системы социализма ее опровергла сама история.

Ошибочность теории, на наш взгляд, показательна – ее провал указывает на недостатки методологии технолого-экономического детерминизма. Ее сторонники полагали, что существовавшие тогда общественные системы – капиталистическая и коммунистическая – есть два исторических пути модернизации. Тем самым допускалась возможность «несвободной», или односторонней модернизации, «модернизации без демократизации». С точки зрения экономического детерминизма логика не была нарушена: ведь главным в общественной трансформации аграрного общества в индустриальное является технолого-экономический показатель, все остальное вторично. Что касается стран Востока и России, в силу исторически сложившихся особенностей их модернизация как индустриализация возможна лишь при сохранении деспотических режимов и коллективизма и даже при их значительном усилении. Главное – достичь определенно высокого уровня технолого-экономического развития, образования и науки, урбанизации и социального обеспечения, а на каком социально-экономическом, а тем более политико-правовом и культурном фоне это произойдет – не важно. За этими посылами следовали футурологические прогнозы о возможном слиянии двух систем в некое единое общественное устройство, которое должно было вместить в себя достоинства капитализма и коммунизма.

Однако реально никакого «сближения» (конвергенции) не произошло. Произошел распад одной из систем, а дальнейшая интеграция ее общества в мировую индустриальную экономику и на сегодняшний день испытывает большие затрудне-

ния. В чем же несостоятельность теории конвергенции, а вместе с ней всего направления технолого-экономического детерминизма?

В советской науке теорию конвергенции подвергали ожесточенной критике, разумеется, слева, в то время как ее необходимо критиковать справа. И дело даже не в том, что фактически ее сторонники теоретически оправдывали тоталитаризм и его человеческие жертвы, а одно из безусловных достоинств индустриального общества – свобода личности – отбрасывалось на второй план ради экономических целей модернизации. Проблема в том, что сторонниками теории упущена свобода как необходимое условие модернизации. Отметим, мы не выходим здесь за рамки экономического детерминизма и говорим об экономическом проявлении свободы.

Помимо свободы экономической деятельности был упущен еще ряд важнейших условий модернизации. Среди них – узкая специализация, которая в рамках советской экономики так и не достигла уровня Запада, личная заинтересованность как дисциплинирующий и интенсифицирующий фактор производства, конкуренция и др. Все эти условия могут быть выражены лишь одним понятием экономической теории – «рынок». Именно эта необходимая составляющая модернизации была игнорирована, что выразилось в теоретическом допущении возможности индустриализации на базе государственно-дистрибутивной экономики. Однако практически такой путь индустриализации оказался не вариантом модернизации, а тупиком, «псевдомодернизацией», о чем говорит тяжелейший экономический кризис начала 90-х годов в России. Глубина кризиса демонстрирует степень несоответствия этой системы цели модернизации.

Если бы посылы сторонников данного направления были верны и главными в процессе модернизации были технолого-экономические показатели, то переход на рыночные условия хозяйствования не привел бы к столь глубокому распаду отечественной экономики. Даже с учетом все же высокого и в целом соответствующего индустриальному обществу технолого-экономического уровня советского производства, вряд ли сложилась бы ситуация, когда даже самые передовые предприятия стали убыточными. Это противоречие, на наш взгляд, имеет только одно решение – истоки кризиса следует искать уже в создании самой экономической системы социализма. Хронологически это первые советские пятилетки, когда были заложены технолого-экономические основы государственной экономики, притом, что идейные и политико-правовые были созданы значительно раньше – в первые месяцы «диктатуры пролетариата». Именно тогда происходил объективный выбор «особого пути» модернизации, «модернизации без демократизации», а затем и индустриализации как достижения одних лишь экономических целей модернизации. В этой связи экономическая история СССР с первых дней до последнего может быть охарактеризована как перманентный экономический тупик, о чем свидетельствуют огромные потери, прежде всего человеческие, которые страна понесла на пути «некапиталистической модернизации». Следует согласиться с тем, что «формула советской модернизации сводилась к технологическому и материальному прогрессу на основе традиционных социальных институтов» [Миронов 2000 2, 333]. Однако именно это обстоятельство и делало советскую модернизацию «контрмодернизацией», что не позволяет смягчать позицию по советской модернизации и говорить об ее «относительных успехах». Сложно говорить и о том, что большевики провели «базисную модернизацию» [Ерасов 1995, 74].

Во-первых, именно базисная модернизация большевиков потерпела крах¹. Распад СССР – это прежде всего распад его экономики, а «базис», созданный большевиками (имеется в виду индустриальная экономика), по-прежнему испытывает глубинный кризис, связанный с фундаментальным противоречием между условиями и

мотивами его создания (государственная социалистическая экономика) и современного функционирования (рынок).

Во-вторых, рассматривать советский период отечественной истории как закономерный этап, сыгравший свою позитивную роль в процессе модернизации, не приходится потому, что по его завершении страна не занимает на мировом рынке разделения труда положения лучше, чем оно было до октября 1917 года. Современное положение России в структуре мирового производства вполне закономерно и является результатом предшествующих десятилетий развития. Страна не в состоянии занять даже место производителя информационной продукции по готовым технологиям, т.е. не может стать объектом вывоза капитала и технологий, поскольку ни то, ни другое не находит в России ни необходимой правовой базы, ни политических гарантий, ни достаточно качественной рабочей силы, включая квалификацию, трудовую ответственность, работоспособность, производительность.

В-третьих, необходимо говорить о человеческой и моральной цене такой «базисной модернизации». Индустриализация, наука, космос, ядерные технологии – безусловно, большие достижения, но за них отдана не просто большая, а неприемлемая цена, это оплата в долг, за счет будущих поколений. Тотальное и целенаправленное уничтожение целых сословий и классов было не «перегибом» сталинской политики, не отклонением от некоего «истинного пути», намеченного Лениным, оно вытекало из логики построения социализма, было условием и необходимостью большевистской модернизации. Полагаем, и морально оно не может быть оправдано никакими будущими успехами: «красота русских балерин и масштабы электростанции на Днепре не оправдывают массового уничтожения кулаков» [Мизес 1993, 160].

Таким образом, ошибка сторонников теории конвергенции есть методологическая ошибка всего технолого-экономического детерминизма – это сужение экономических факторов модернизации до уровня технолого-экономических процессов. Безусловно высокие достижения Советского Союза в науке и технике, в индустриальной экономике и социальном обеспечении не сделали аграрное общество индустриальным даже с точки зрения экономического детерминизма. В нем не было свободы экономической деятельности, рынка, частной собственности, хозяйственной инициативы, конкуренции, не сформировалось *сознательное* отношение к труду, т.е. понимание труда как ценности, как жизненной необходимости каждого человека. В противном случае советской идеологической машине не пришлось бы заниматься пропагандой труда, экономии и дисциплины. В рамках экономической системы социализма не сформировался, да и не мог быть сформирован «человек экономический», на становление которого в Европе ушли века радикальной общественной трансформации. Есть ли основания утверждать, что эта длительная общественная эволюция могла быть заменена искусственно путем крайнего напряжения сил и мобилизации ресурсов, а по достижении вождельных 70% индустриального сектора экономики дать полноценное индустриальное общество, а не его «суррогат», который при распаде создавшего его режима обнаруживает тенденцию скорее к деградации, нежели к прогрессивному развитию?

Необходимо отметить, что критика советского опыта модернизации не означает однозначного отказа от безусловных достижений науки и образования, военных, ядерных и космических технологий, а также уровня социального обеспечения и медицинского обслуживания, которые, хотя и уступают западным, но намного выше, чем в других развивающихся странах. Это тем более важно, что высока цена их приобретения. Речь идет об их использовании, но в рамках принципиально иной общественно-экономической системы, что опять-таки вызывает проблему. В процессе социальной трансформации эти отрасли испытали и испытывают до настоящего мо-

мента серьезные потрясения именно в силу своей «внеэкономичности», что ярко видно на примере современного состояния ЖКХ.

Более того, методология технолого-экономического детерминизма стала основой изоляционизма, и не менее надежной, чем культуроцентризм. На феномен «индустриализации без демократизации» как культурно детерминированной модернизации стран Востока теоретически вышел Ш. Эйзенштадт [Эйзенштадт 1999]. В отечественной интерпретации это звучит следующим образом: социалистическая индустриализация должна рассматриваться как единственно возможный путь развития России, Советский Союз был принципиально жизнеспособен, он не смог лишь «осуществить прорыва» в постиндустриальные технологии в силу «отдельных недостатков». Нужно было не разрушать социализм, а реформировать его. Советский Союз вышел бы на новый уровень развития экономики и технологии, обогнал США и продолжал бы существовать. Под «отдельными недостатками», помимо всего прочего, иногда понимается некомпетентность советского руководства [Рязанов 2001; Сенявский 2002, 64].

Однако на наш взгляд, такая интерпретация недавнего прошлого нашей страны не выдерживает критики. Государственные образования, а тем более претендующие на титул новой формации, не разрушаются вследствие «отдельных недостатков». Скорее оказывается, что у них есть один-единственный недостаток – общественный строй, несовместимый с их дальнейшим существованием. «Реформировать» к концу Перестройки было уже нечего, поскольку сама Перестройка стала попыткой реформирования общественно-экономической, а затем, примерно с 1989 года, и политической системы социализма. Эта попытка, во-первых, показала, что система принципиально не реформируется, во-вторых, привела к ее неизбежному распаду [Пихоя 2002; Лопатников 2000, 25]. «Некомпетентное руководство» – не причина, а следствие и свидетельство нарастающего кризиса. Но в рамках критики данного направления нас интересует технолого-экономический аспект проблемы: на момент середины 80-х – 90-х гг. СССР не мог не только совершить «прорыв» в постиндустриальные технологии, он безнадежно отстал от Запада в индустриальных².

Итак, практический технолого-экономический детерминизм потерпел историческое поражение. Своеобразный методологический итог этим экспериментам, подчеркнув значение распада СССР, подвел Р. Дарендорф. «К концу века надежда «третьего мира», все глубже погружающегося в нищету, болезни и войны, что собственный путь поможет ему разрешить все проблемы, потеряна вместе с распадом «второго», коммунистического мира. Потому без всякого преувеличения и без чувства торжества я исхожу из того, что, лишь сосредоточив внимание на странах ОЭСР, можно получить ключ к пониманию разворачивавшихся в течение столетия процессов» [Дарендорф 2002, с. 5]. Коммунизм стал не вариантом модернизации, а ее отрицанием, поэтому следует согласиться с тем, что только из Азии советская и западная экономика казались двумя версиями индустриального общества [Зарин 1991, 66].

Теоретические доводы

Причины модернизации, по мнению сторонников индустриализма, – это изобретение машин, которые полностью изменили общественную структуру европейской, а затем и мировой цивилизации, начиная с XIX века [Сакайя 1999, 354]. Процесс модернизации, его решающая стадия, относится тем самым к XIX веку. Однако машинное производство возникло не на пустом месте, ему предшествовал длительный период эволюции во всех сферах общественных отношений. Более того, ни изобретение машин, ни становление машинной экономики было бы невозможно, не будь этих изменений. Все эти изменения, а не только их заключительная часть, есть процесс модернизации как трансформации аграрного общества в индустриальное.

В их числе – развитие мануфактурного производства как промежуточного типа, в рамках которого были впервые применены и опробованы такие формы, как наемный труд и разделение пока еще ручного труда. Важнейшим условием стало первоначальное накопление, которое предполагает не только собственно накопление капитала, необходимого обществу для создания машинной индустрии, но и полную общественную трансформацию – длительную и болезненную экспроприацию производителей феодального общества и превращение их в классы капитализма. Необходим был для создания машин и определенно высокий уровень научного знания, а значит, нельзя исключить из процесса модернизации длительное и настолько же болезненное вытеснение религиозного мировоззрения научным. Углубляясь все дальше в средневековье, мы подходим к становлению городского общества – общества модерни. Это не что иное, как общество свободного производителя, а город – «островок свободы» в море феодальной зависимости и по существу первый образец гражданского общества. Из ремесленников и торговцев средневекового города, свободных от внеэкономического принуждения, вырос субъект новых социальных отношений – бюргер – «человек экономический».

Поэтому следует остановиться на рубеже XI – XII веков – времени возникновения западноевропейских городов как центров ремесла и торговли и начала их борьбы с феодалами. Серьезным аргументом против технологического детерминизма является тот факт, что происходило это без существенных сдвигов в развитии орудий труда, в рамках тех же средств производства, какими располагало аграрное общество. Техника феодального общества на протяжении всего средневековья – рутинная, здесь не наблюдается революционных сдвигов, а социальная трансформация между тем происходит. Совершенно неслучайно, но в другом теоретическом контексте – актуализируя не технологический, а социально-экономический аспект проблемы – марксистская историография утверждала, что первые капиталистические элементы вызревали в «недрах феодализма».

Мы не случайно останавливаемся на этой проблеме столь подробно. Значительная часть теоретиков модернизации начинает ее отсчет от событий позднего периода трансформации – буржуазных революций или промышленного переворота. Отсюда, с неверной в принципе постановки вопроса происходит цепь заблуждений. Стартовые позиции модернизации Европы (рубеж XI – XII вв.) не отличаются в лучшую сторону от стартовых позиций Востока и России (XIX в.). И там, и здесь речь идет о трансформации аграрного общества в индустриальное, включая все ее аспекты, в том числе, технологико-экономические.

Как и в случае с феодализмом, модернизация как общественная трансформация оказалась возможной и помимо технических усовершенствований. Города как центры ремесла и торговли возникли в процессе общественного разделения труда. Разделение труда, рассматриваемое с точки зрения смысла всеобщего экономического движения общества, это не что иное, как стремление увеличить его производительность при существующем уровне развития техники. Очевидно, что экономический поиск общества несводим к одному лишь поиску технологическому, а повышение эффективности производства может происходить и через изменение форм общественных отношений без существенных изменений технических средств труда. Раб, посаженный на землю, значительно увеличивает производительность труда, по сравнению с рабом «без хижины», работая тем же инвентарем. Свободный крестьянин, собственник обрабатываемой им земли, трудится эффективнее, чем крестьянин феодально или лично зависимый. Такой крестьянин уже фактически не крестьянин, а фермер, и фермером его делают не трактор и сенокосилка, а личная свобода, возможность использования наемного труда и частная собственность на землю.

Упущение сторонниками направления возможности самостоятельной эволюции форм собственности и сопутствующих им социально-экономических отношений независимо от каких-либо технических усовершенствований представляется очевидным. Читателю может показаться, что подобная критика индустриализма устарела – в литературе высказано достаточно много аргументов против данного направления. Однако в рамках проблемы модернизации России такая критика все еще актуальна. Это хорошо видно из политического курса, осуществляемого российской властью в последнее время, который, по ее мнению, должен обеспечить России прорыв в постиндустриальную стадию.

Идея информационного общества

Содержательным аспектом линии индустриализма/постиндустриализма стала теория информационного общества. Оставляя в стороне собственно проблему информационного общества, необходимо привлечь данную теорию к анализу в связи с главной задачей – выявления причин модернизации как процесса трансформации аграрного общества в индустриальное. Теория информационного общества интересует нас постольку, поскольку называет в качестве такой движущей силы информацию (в ее различных ипостасях – знания, наука, технологии, «интеллектуальный капитал»), что позволяет отнести ее к направлению технологического детерминизма.

Эволюция знания и его роли в производственном процессе, по мнению П. Дракера, имела важнейшее значение в становлении индустриального общества и дальнейшей эволюции его форм [Дракер 1999, 70]. Он выделяет два этапа общественной трансформации: становление капитализма и посткапитализма. Причиной первого стал переход научного знания из «сферы бытия» в «сферу действия», т.е. применение знания в производственном процессе, главным образом при разработке орудий труда (1750 – 1900). Причина второго – внедрение знания в сферу управления производством, в результате чего формируется посткапиталистическое общество (начиная с первой половины XX века). В нем, по сравнению с предшествующим капиталистическим обществом, научное знание играет иную, несравнимо большую роль. Оно уже не идет вслед за производством, а руководит им. Теория информационного общества сосредоточивает свое внимание на проблеме этого «второго скачка» и подчеркивает роль информации в данном переходе. Нас интересует первый этап общественной трансформации.

Полагаем, сказанное относительно эволюции роли знания в экономической истории справедливо. Научное знание аграрного общества – это действительно отвлеченное, не имеющее никакого отношения к экономическим нуждам знание. Это средневековая алхимия и метафизика, античный «тривиум», китайские истины «благородного мужа», «научный коммунизм» и т.п. Для модернизации, как правильно заметил Дракер, необходима установка не «знать», а «уметь», т.е. иметь практические знания и применять их в экономических целях [Дракер 1999, 78]. Безусловно, это один из важнейших факторов модернизации, но стоит решительно возразить против тезиса о его исключительности.

Стараниями индустриалистов складывается весьма любопытная модель общественной эволюции. В какой-то момент своего существования средневековые философы-богословы (неизвестно, по какой причине) перестают заниматься отвлеченными науками и переключаются на *techne* – знание как «умение», знание как «технология» [Дракер 1999, 79]. Отсюда происходит сдвиг, результатом которого становится индустриальное общество.

Мы же полагаем, что необходимо смотреть на проблему не с точки зрения вопроса «для чего знать?», а с точки зрения вопроса «кто знает?». Знание как *techne*

рождалось и применялось в иной социальной среде, нежели знание отвлеченное. Право и возможность на отвлеченное знание в эпоху средневековья имели представители социальных слоев, господствующих в обществе *внеэкономически*. Лишь в силу внеэкономического господства и возможности праздного существования их образование могло быть «отвлеченным». «Экономическое» же знание – знание как умение – мог создать только класс, постоянно думающий о хлебе насущном и свободный к тому же. Так почему же в какой-то момент движителем истории становится не праздный класс, а класс-производитель, который сначала приходит к доминированию экономическому, а затем и к политическому? Что это, если не проявление того самого экономического поиска общества, который не происходит только лишь в сфере технологий, а затрагивает и социальную сферу производства?

Обратившись к отечественной истории, можно увидеть подобный пример в конфликте двух концепций образования в конце XIX века – классического и реального. Классическое образование, открывавшее дорогу к государственному и военному управлению, было привилегией дворян. Реальное образование, дающее именно реальные знания, необходимые для развития индустриальной экономики, оценивалось обществом весьма низко, было в смысле карьеры малоперспективным, следовательно, оставалось за «разными чинами». Таким образом, очевидно острейшее противоречие, не лежащее только лишь в сфере знания и технологий. Это именно *общественное* противоречие, которое должно разрешиться в ходе радикальной *общественной* трансформации как одного из важнейших аспектов модернизации.

Еще более яркой иллюстрацией проблемы знания, науки, образования, а в целом – информации в процессе модернизации – является история Китая. Здесь общественно-исторический конфликт между «знанием» и «умением» был особенно показателен. Образование в доиндустриальном Китае ценилось очень высоко, оно открывало дорогу карьере, но карьере исключительно чиновничьей. Образование заключалось в грамоте, буквальном заучивании конфуцианского наследия и формировании способности писать сочинения в рамках того же конфуцианства и даже со строго определенным количеством иероглифов. Реальные знания не интересовали никого и не ценились никем, кроме самих производителей – ремесленников, торговцев, буржуазии. Этот слой в аграрной стране незначителен, а социально-экономический смысл модернизации как раз и состоит в том, чтобы «экономический» класс стал не только значительным, но и доминирующим. Понадобились века качественного и количественного роста этого класса, а затем век трансформации, тяжелейших социально-политических потрясений от Синьхайской революции до «культурной». В конце концов «прагматики» победили сначала социально-политически и лишь затем сделали образование и науку Китая «прагматическими», которые на сегодняшний день более прагматичны и позитивны (в философском смысле), чем образование и наука в России. По словам самих китайских преподавателей, сегодня в образовании Китая главным является принцип «бить в одну точку», что означает раннюю и узкую специализацию учащихся.

Не все однозначно и со вторым этапом общественной трансформации – становлением «посткапитализма». Следует согласиться, смысл эволюции функций знания и науки в этом процессе раскрыт Дракером верно. Но достаточно ли одной этой эволюции для складывания постиндустриального общества? Если обратиться к истории поздней советской экономики, ко времени т.н. НТР, в виде которой нам явилась европейская информационная революция, можно увидеть интересный факт, опровергающий это основное положение индустриалистов. Советское руководство, пытаясь идти в ногу со временем, вводило НОТ – научную организацию труда – повсеместно. Введение НОТ и означало, казалось бы, тот самый, новый этап общественного развития, когда знание не просто применяется в экономике, а руководит

ею. НОТ в экономике СССР внедрялась всюду, большое количество НИИ занималось ее разработкой, но это не только не сделало советскую экономику постиндустриальной, но даже не спасло ее от распада. И мы вновь подчеркиваем относительно высокий уровень развития советской науки и техники, т.е. данный потенциал у советского общества все же был.

Следствием индустриализма стала иллюзия возможности решения проблемы модернизации за счет внедрения информационных технологий [Иноземцев 1998; Иноземцев 2003]. Роль информации в современном обществе, прежде всего в его экономике, действительно огромна, но только в «современном», т.е. постиндустриальном обществе. Дело в том, что информационные технологии – атрибут и продукт информационного постиндустриального общества, в доиндустриальном обществе они не имеют такого значения с точки зрения проблемы их саморазвития. Теоретическое допущение возможности модернизации только лишь за счет информационных технологий порождает еще более опасную иллюзию, трагически характерную для российской общественно-политической мысли – иллюзию возможности «перемануть» через целый этап общественного развития, в данном случае на социальной базе общества незавершенной модернизации создать общество постиндустриальное [Красильщиков 1993; Иноземцев 2003; Федотова 2000; Трансформации 2000]. Однако какое значение могут иметь информационные технологии в постсоветской России, где главным препятствием модернизации является низкая экономическая активность населения? Могут ли компьютеры заменить собой активность и трудолюбие, ответственность и трудовую дисциплину, целеустремленность и бережливость, что приходит только лишь в результате длительного и свободного экономического развития? Сказанное не означает, что необходимо отказаться от распространения информационных технологий, но следует помнить, что модернизация как индустриализация заключается в комплексе социально-экономических изменений, технологические – не более чем их аспект.

Представляется, что принадлежность общества к определенному уровню развития демонстрирует не факт наличия или отсутствия технологий данного уровня, а новое *качество* отношения человека к труду и к другому человеку. Именно поэтому приобретение высоких технологий на Западе, например, закупка медицинского оборудования в пореформенной России не способствовала совершенствованию отечественного здравоохранения и выходу его на западный уровень, тем более, не изменила ситуацию в плане здоровья нации в лучшую сторону. То же самое можно сказать о результатах заимствования образовательных технологий – вступления в «болонский процесс», введения двухуровневой системы высшего образования, «системы менеджмента качества» и проч. Форма не может подменить собой содержание, и при осмыслении сущности модернизации как индустриализации необходимо говорить не о внедрении технологий, а об их создании. Информационным является не общество, которое умеет работать на компьютере, а общество, которое эти компьютеры создает, имея в виду даже не сборку по уже имеющимся технологиям, а их первичную разработку. Оценка уровня экономического развития России в этой связи весьма неутешительна.

Наиболее реальная, на наш взгляд, оценка перспективы «прорыва» России в постиндустриальную фазу высказана К. Лиухто [Лиухто 2005]. Компьютеризация и включение России в мировое постиндустриальное пространство происходит быстрыми темпами, но не за счет качественного роста самой России, а за счет продажи ресурсов. Если учесть, что динамики в плане увеличения конкурентоспособности страны на мировом рынке не обнаруживается никакой (70-е место из 104 включенных стран), то перспективы вырисовываются не самые лучшие. При этом автор подчеркивает, что единственный путь качественного экономического роста, т.е. роста,

приводящего к увеличению реальной конкурентоспособности – свободное экономическое развитие, развитие в условиях либеральной рыночной модели. Но именно эта модель подвергается в России остракизму [Лиухто 2005, 120].

Реальность и перспективы постиндустриального развития России

Наше глубокое убеждение состоит в том, что любой экономический рост, любой технологический скачок, пусть даже он будет называться «инновацией», является не результатом усилий государственных властей «сверху», а следствием роста экономической активности «снизу», но именно такой активности в стране не наблюдается. Напротив, все более очевидным становится директивный курс развития российской экономики: «...налицо воспроизводство традиций советской экономики... многие прогнозные документы несут в себе ярко выраженный отпечаток директивной плановой системы с ее атрибутом – оценкой за план. Внедрение этих принципов весьма опасно в условиях современной динамичной экономики» [Мау 2008, 5]. Ни для кого не секрет, что современная Россия все больше начинает походить на свое недавнее прошлое с его формализацией трудовой деятельности в ущерб ее содержанию. Прежде всего это касается т.н. «бюджетной сферы», где вместо пересекающихся и встречных потоков товаров/услуг и денег – т.е. реальных продуктов человеческого труда и его эквивалента, все более увеличиваются потоки директив и отчетных документов. Очевидно также, что и власть все больше руководствуется в своих оценках и решениях не столько реальностью, сколько показателями этих отчетов. Чего стоит одно только решение увеличить таможенные пошлины на японские автомобили с тем, чтобы поднять качество отечественных. Это решение, при котором исключается единственно возможный стимул улучшения качества труда – конкуренция. Если бы мы могли решить проблему автопрома одними только пошлинами и денежными вливаниями, мы решили бы так все проблемы российской модернизации. Здесь очевидно непонимание сути модернизации, да и всей современной экономической системы, как властью, так и значительной частью российского общества.

Одной из главных проблем российской модернизации, таким образом, мы видим не технологическое отставание и недостаточное финансирование науки и высокотехнологических отраслей, а низкий уровень экономической активности, затрагивающий практически все сферы общества – экономику, политику, образование, науку. Помимо повседневных наблюдений за мотивами поведения людей (студентов, аспирантов, рабочих, служащих), об уменьшении экономической активности говорит снижение показателя раннего предпринимательства (за последний предкризисный 2007 – 2008 год сократился вдвое [Образцова, Чепуренко 2008, 97]). Полагаем, что отсутствие стимулов к повышению социальной и предпринимательской активности напрямую связано с фактом наличия в стране «легких денег» от продажи ресурсов и распределения их госаппаратом посредством механизмов «раздаточной экономики». Бум предпринимательской активности, который имелся в стране в 90-х годах, сегодня практически полностью утрачен. Для молодежи становится все более непривлекательным организовывать собственный бизнес и брать на себя все, связанные с частным предпринимательством риски, ответственность, трудности, особенно на фоне растущих зарплат, льгот и латентных возможностей и власти «силовиков» и чиновников. Куда проще получить диплом об образовании и занять место в структуре госаппарата, получив тем самым доступ к распределяемым в стране нефтедолларам. При этом нужно учесть, что и без данного показателя (двукратное уменьшение раннего предпринимательства) Россия относится к числу стран с минимальной предпринимательской активностью [Образцова, Чепуренко 2008, 97].

Социально-экономическая активность, лежащая в основе любых технологических и экономических «прорывов», напрямую зависит от формы социально-экономических отношений в обществе. И как бы сегодня мы не оценивали результаты либеральных реформ в России, их следствием стал рост таковой активности. И не потому ли мы сегодня имеем ее спад, что именно с конца 90-х годов обнаруживается стремительный, устойчивый и беспрецедентно высокий рост цен на нефть на мировом рынке? И не потому ли государство тем больше вынуждено искусственно стимулировать развитие высокотехнологической сферы и постоянно это подчеркивать, чем сильнее оно свертывает или ограничивает рыночные механизмы? Наличие неограниченных ресурсов при сохранении стабильно высоких цен на энергоносители и сырье на мировом рынке позволяет современному российскому обществу и его политической элите игнорировать уже отмеченную исследователями модернизации такую ее характеристику, как комплексность, т.е. несводимость сути данного процесса к какому-либо одному фактору или аспекту.

Что же ждет нас при таких темпах снижения деловой активности хотя бы в области высоких технологий, т.е. в той области, на которую более всего рассчитывает нынешняя власть? При нулевой активности снизу, при тотальной не востребоваемости продукции НИОКР современной российской экономикой все, вложенные в инновации средства, будут просто потеряны. Произойдет то, что происходило с попытками «ускорения» и «научно-технической революции» в поздней советской экономике – результаты этих усилий и капиталовложений будут видны только в отчетных документах и в заявлениях официальных СМИ. Даже если предположить, что указанный инновационный сценарий будет осуществлен, он не решит проблемы хронического отставания российской экономики от развитых экономик Запада, стран Восточной и Юго-Восточной Азии и группы BRIC (разумеется, без России). В лучшем случае, даже если такие технологии появятся, они будут касаться исключительно узких сфер, имеющих государственную значимость – атомной энергетики, космоса, производства вооружений, – но не широкого рынка товаров и услуг – основы современной экономики.

Так, в 2006 г. высокотехнологический сектор в ВВП России составил 3,9 %, что не сопоставимо даже со странами BRIC (Бразилия – 25,3; Китай – 47,6; Индия – 15,2), не говоря уже о постиндустриальных странах (США – 50,4, страны ЕС – 45,3; Япония – 63,9) [Григорьев, Плаксина, Салихов 2008, 34 – 35]. При этом, по численности научных кадров эти показатели вполне сопоставимы даже со странами первой тройки – США, Евросоюза, Японии [Григорьев, Плаксина, Салихов 2008, 35].

Поэтому мы полагаем, что, вопреки заявлениям руководителей страны и официальных СМИ реальный сценарий развития российской экономики будет не «инновационным». Скорее он будет находиться где-то между «инерционным» (маневрирование правительства между группами интересов с приоритетом экономической и политической «стабильности») и «экспортно-сырьевым» (централизация и перераспределение через государственный бюджет ренты от природных ресурсов [Сенчагов 2008, 120]). Но произойдет это не потому, что неверно избран путь развития и экономической политики, а потому что невозможен в принципе никакой путь вне формирования современного индустриального общества с его отношением к труду. Мы вновь возвращаемся к высказанной мысли о том, что отнюдь не технологии решают проблемы социальной трансформации аграрного общества в индустриальное и постиндустриальное.

Заключение

На основании вышесказанного необходимо констатировать, что никакая промышленная или научно-техническая эволюция не может заменить эволюции соци-

альной. Социально-экономические изменения в ходе модернизации не являются *сопутствующими* технологическим и не могут рассматриваться как их следствие. Оба типа социальных изменений являются равнозначными и необходимыми факторами модернизации. Социально-экономический путь в индустриальное/постиндустриальное общество уже, чем полагали индустриалисты, и на наш взгляд, нет ни оснований, ни возможности от него отступить. Одним из этапов этого пути является модернизация в ее технологико-экономической (индустриализация) и социально-экономической (капитализм) составляющих. Современное общество доверия, которое только и может создавать и реализовывать высокие технологии, возникло в ходе длительной эволюции, основой которой было развитие капиталистических отношений. Ведь суть капитализма в данном аспекте проста – это договорные отношения свободных людей. В течение длительного периода общество училось заключать договоры и выполнять их условия. Можно ли создать высокотехнологическое общество, минуя этот период, красноречиво показывает советская экономическая история. Чего стоят в этой связи заявления современных отечественных постиндустриалистов, призывающих «не увлекаться» капитализмом, поскольку, это якобы пройденный этап современной цивилизации? Даже если это и так (а данное утверждение отнюдь не бесспорно само по себе), и этот этап является пройденным для Европы, это ни в коей мере не относится к современному российскому обществу, которое даже с большой натяжкой нельзя назвать «обществом доверия». То же самое касается других черт развитого индустриального и постиндустриального общества – трудолюбия, ответственности, прилежания.

Для того чтобы преобразовать высокотехнологический ресурс и высокотехнологические средства труда в материальные и духовные ценности, требуются соответствующие современному (постиндустриальному) обществу социальные кадры, которые не берутся сами по себе, а формируются в процессе создания все тех же высоких технологий. Круг замыкается, и внедриться в него доиндустриальному обществу без глубокой социально-экономической трансформации не удастся. У него есть только один путь – подняться до этого уровня в ходе длительной и непростой общественной эволюции.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Белл 1999 - *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. Пер. с англ. – М.: Academia, 1999.
- Бжезинский 1989 - *Бжезинский З.* Большой провал: рождение и смерть коммунизма в двадцатом веке. – NEW YORK: LIBERTY PUBLISHING NOISE, 1989.
- Гидденс 1999 - *Гидденс Э.* Последствия модернити // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. – М.: Academia, 1999. – С. 103 – 122.
- Григорьев, Плаксина, Салихов 2008 - *Григорьев Л., Плаксина С., Салихов М.* Посткризисная структура экономики и формирование коалиций для инноваций // Вопросы экономики, 2008. № 4. – С. 25 – 43.
- Гэлбрейт 2004 - *Гэлбрейт Дж.* Новое индустриальное общество: Пер. с англ. – М.: Изд-во АСТ, Транзиткнига; СПб.: Terra Fantastica, 2004.
- Дарендорф 2002 - *Дарендорф Р.* Современный социальный конфликт: очерк политики свободы / Пер. с нем. – М.: РОСПЭН, 2002.
- Джонс 1937 - *Джонс Р.* Экономические сочинения. Пер. с англ. – Л. 1937.
- Дракер 1999 - *Дракер П.* Посткапиталистическое общество // Новая постиндустриальная волна на Западе. – М.: Academia, 1999. – С. 70 – 100.
- Ерасов 1995 - *Ерасов Б.С.* Одномерная логика российских модернизаторов // Ответственные науки и современность. 1995. № 2. – С. 68 – 78.

- Зарин В.А.* Запад и Восток в мировой истории XIV – XIX вв.: (Западные концепции общественного развития и становления мирового рынка). – М.: Наука, ГРВЛ, 1991.
- Иноземцев 1998 - *Иноземцев В.Л.* За пределами экономического общества: Постиндустриальные теории и постэкономические тенденции в современном мире. – М.: Academia, 1998.
- Иноземцев 1998 - *Иноземцев В.Л.* На рубеже эпох. Экономические тенденции и их неэкономические последствия. – М.: Экономика, 2003.
- Красильщиков 1993 - *Красильщиков В.А.* Модернизация в России на пороге XXI века // Вопросы философии. 1993. № 7. – С. 40 – 56.
- Лиухто 2005 - *Лиухто К.* Россия на пути к информационному обществу? // Вопросы экономики. 2005. № 4. – С. 113 – 120.
- Лопатников 2000 - *Лопатников Л.И.* Экономика двоевластия: беседы об истории рыночных реформ в России. – М. – СПб: Норма, 2000.
- Мизес 1993 - *Мизес Л. фон.* Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность. Пер. с англ. – М.: Дело, 1993.
- Миронов 2000 2 - *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): В 2 т. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. – Т. 2.
- Мау 2008 - *Мау В.* Экономическая политика 2007 года: успехи и риски // Вопросы экономики. 2008. № 2. – С. 4 – 25.
- Пихоя 2002 - *Пихоя Р.Г.* Почему распался СССР? // Россия в XX веке: Реформы и революции: В 2 т. Т. 1. – М.: Наука, 2002. – С. 121 – 145.
- Образцова, Чепуренко 2008 - *Образцова О., Чепуренко А.* Развитие российского частного предпринимательства в межстрановом сопоставлении // Вопросы экономики. 2008. № 8. – С. 91 – 107.
- Парсонс 1997 - *Парсонс Т.* Система современных обществ / Пер. с англ. – М.: Аспект Пресс, 1997.
- Рязанов 2001 - *Рязанов В.Т.* Стратегия экономического развития России и постиндустриальные тенденции в мировой экономике // Модернизация России на рубеже веков. – СПб., 2001. – С. 5 – 9.
- Сакайя 1999 - *Сакайя Т.* Стоимость, создаваемая знанием, или История будущего // Новая индустриальная волна на Западе. – М.: Academia, 1999. – С. 340 – 371.
- Сен-Симон 1923 - *Сен-Симон А. де.* Избранные сочинения. М. – П.: Госиздат, 1923.
- Сенчагов 2008 - *Сенчагов В.* Стратегия развития России: ориентиры и ограничения // Вопросы экономики. 2008. № 8. – С. 119 – 130.
- Сенявский 2002 - *Сенявский А.С.* Проблемы модернизации в XX веке: диалектика реформизма и революционности // Россия в XX веке: Реформы и революции: В 2 т. Т. 1. – М.: Наука, 2002. – С. 55 – 69.
- Стюарт 1999 - *Стюарт Т.* Интеллектуальный капитал. Новый источник богатства организаций // Новая индустриальная волна на Западе. – М.: Academia, 1999. – С. 373 – 400.
- Трансформации 2000 - Трансформации в современной цивилизации: постиндустриальное и постэкономическое общество (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 2000. № 1. – С. 3 – 32.
- Турен 1998 - *Турен А.* Возвращение человека действующего: очерк социологии / Пер. с фр. – М.: Научный мир, 1998.
- Федотова 2000 - *Федотова В.Г.* Россия в глобальном и внутреннем мире // Мир России. 2000. № 4. – С. 3 – 33.
- Шмелев 1995 - *Шмелев Н.П.* Экономические перспективы России // Социологические исследования. 1995. – С. 12 – 16.
- Арон 1968 - *Aron R.* 18 Lectures on Industrial Society. London: Weidenfeld and Nicholson, 1968.

Ростроу 1960 - *Rostow W. The Stages of Economic Growth: A Non-Communist Manifesto.* Cambridge: Cambridge University Press, 1960.

---

¹ По данным экспертов в середине 90-х годов переход российской экономики к рынку потребовал закрытия до 2/3 ее промышленных мощностей. Эти 2/3 – чистый балласт, за которым стоят не только производственные мощности, но и непроизводственная инфраструктура и кадры [Шмелев 1995, 12 – 13].

² Так, З. Бжезинский со ссылкой на данные экономической статистики констатирует, что СССР увяз в «срединной стадии индустриальной эпохи» [Бжезинский 1989, 43]. «Катастрофическим» называет технологическое и экономическое отставание СССР от Запада Л.И. Лопатников [Лопатников 2000, 15].